

Кирпиченко Т. В.

МОЗАИКА ЗЕМЛИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ В. П. КРЫМОВА ПО ПУТИ В ЭМИГРАЦИЮ

Книга В. П. Крымова «Богомолы в коробочке» появилась в Хабаровской научной библиотеке в 1940 г. В 1944 г. из старого здания, в котором библиотека располагалась с дореволюционных времен, вместе со всем книжным фондом она переехала в нынешнее помещение и попала в отдел краеведческой литературы, в фонд ее ценных и редких изданий. Чем же привлекла внимание эта невзрачная, в грубоватом, явно «неродном» переплете, напечатанная на плохой желтой бумаге книга? Как попала в Хабаровск изданная в 1921 г. в Берлине книга русского эмигранта? Этого мы, наверно, никогда не узнаем. Можно только сказать, что принесли ее, видимо, из чьей-то личной библиотеки, так как штампов других библиотек на ней нет. Нет и экслибриса или владельческой подписи.

Автор книги Владимир Пименович Крымов не был популярным писателем в России, но зато знаменит был как коммерсант и успешный издатель. Родился он в 1878 г. в городе Динабурге тогдашней Витебской губернии, ныне это город Даугавпилс в Латвии, жил без отца в среде староверческой родни, не баловавшей мальчика любовью и лаской. «Меня окружала в детстве среда, где стремились к накоплению, — вспоминал позже В. Крымов, — все заботились об увеличении своего состояния, хотя бы и мизерного; лично у меня в моей семье, где была только моя мать-вдова и я — единственный сын-мальчишка, мы думали не о накоплении, а как бы кое-как дотянуть на том, что есть, однако, видимо, преобладающее настроение окружающих влияло на мои детские сны...»

Детство, прожитое в бедности, наложило отпечаток на всю последующую жизнь. Учась в реальном училище, а затем в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, Владимир Крымов стремился к знаниям с большим рвением, но сельским трудом никогда не занимался. «Так как я хотел стать богатым, то окончивши с отличием высшее агрономическое учебное заведение, сразу и навсегда решил никогда не заниматься сельским хозяйством», — писал он позднее. Еще учась в академии, начал печатать в московских газетах статьи и заметки, в том числе о Всемирной выставке в Париже 1900 г. Пробовал проявить свои склонности на разных поприщах, занимался коммерцией, где весьма преуспел, но нашел себя в журналистике. Перебравшись в Петербург, работал у издателя Суворина в «Новом времени» коммерческим директором. Как преуспевающий журналист стал появляться в высшем свете, получил доступ в салоны петербургской аристократии и даже

был знаком с членами царской фамилии. С помощью этих связей ему удалось наладить собственное дело, которое принесло деньги и славу.

Крымов стал издавать глянцевоый, на дорогой мелованной бумаге журнал «Столица и усадьба», на страницах которого не было никакой политики и чернухи, а лишь блестящая великосветская жизнь и роскошные иллюстрации. Журнал имел оглушительный успех и быстро раскупался, но в 1917 г. его звезда закатилась. Срочно переведа весь свой капитал в Швецию, В. Крымов с женой выехал из России. В первом классе сибирского экспресса пересек всю Сибирь и через Японию отправился в кругосветное путешествие. Жена М. А. Булгакова Л. Е. Белозерская в своих мемуарах «О, мед воспоминаний» писала о Крымове: «Из России уехал, как только запахло революцией, „когда рябчик в ресторане стал стоить вместо сорока копеек — шестьдесят, что свидетельствовало о том, что в стране неблагополучно”, — его собственные слова. Будучи богатым человеком, почти в каждом европейском государстве приобретал недвижимую собственность, вплоть до Гонолулу».

Побывал в Корее, Японии, США, Марокко, на Гавайях, в Китае, на Цейлоне, в Порт-Саиде, а с февраля 1918 г. поселился с семьей в Берлине. Здесь же в 1921 г. вышла книга об этом путешествии «Богомолы в коробочке». К этому времени В. Крымов был уже автором нескольких художественных книг, которые с удовольствием раскупались читателями, но никак не принимались писателями и литературными критиками. Каждую новую книгу Крымова они встречали в штыки, хотя и признавали в нем талант. Тем не менее, в 1933 г., когда в Берлине увидела свет его трилогия «За миллионами», имя его стояло во втором месте по количеству выданных книг в парижской Тургеневской библиотеке, оставив далеко позади себя и Бунина, и Куприна, и Чехова. Важно еще отметить, что все, написанное Крымовым, он издавал за свой счет. Прозаик Василий Яновский признавался: «Крымков был несомненно талантливым литератором, с культурой языка. Но беда в том, что купцом он оказался гениальным, и это действовало на нас, искривляя перспективу».

Книга «Богомолы в коробочке» была встречена литературным обществом более благосклонно, возможно, потому, что это было не художественное произведение, а размышления автора об увиденном в экзотических для европейцев странах. Современники писали: «Книга, которую читаешь с неослабевающим интересом. Один за другим следуют очерки путевых впечатлений, которые пришлось сделать автору за 2 года его странствий по Дальнему Востоку, Тихому океану и Америке. Очерки эти написаны ярко... получается красочная „мозаика земли”. Главное достоинство этой книги в том, что она оставляет у читателя бодрое настроение: как разнообразна наша земля и как часто мы склон-

ны в наивном самомнении преувеличивать нашу европейскую жизнь» (Ященко А. Русская книга (Берлин). 1921. № 5).

«Богомолы в коробочке» — это не классическое стройное описание путешествия в форме дневника. Крымов искал новые литературные формы. В предисловии к книге он сообщал, что перемешал всевозможные пустяки и путевые байки с серьезными раздумьями на разные темы без всякого порядка, что является обычным стилем автора, от которого он не собирается отходить при написании своей очередной книги.

«Богомолы в коробочке» открываются главой «Корея. Сахалин». Описывая остров, автор отмечает, что японцы, получив Сахалин после победы в Русско-японской войне, очень активно стали его осваивать. «Образовано 160 новых поселков. Строятся дороги. Из страны ужаса, русской каторги, скоро будет культурный край, не смотря на трудные климатические условия». Сахалину и Японии автор посвятил много страниц своей книги. Здесь и размышления о том, чего лишилась Россия с потерей Сахалина, и история взаимоотношений Японии с другими государствами в XIX в., и бытовые зарисовки, и элементы этнографических описаний, и оригинальные рассуждения о своеобразии японского искусства. Восхищаясь японской деревянной гравюрой, он как-то иронично пишет о скудности сюжетов местной живописи. «Долго я ходил кругом и около японских картин. Смотрел их и прямо и вкось, и днем и вечером, и в одном настроении и в другом — и не мог постигнуть японской красоты. Изломанные фигуры, искаженные лица, однообразные надоевшие сюжеты: ландшафт, Будда, японка перед зеркалом, японка любитесь вишневыми цветами, группа японок любитесь цветами сливы, просто группа японок; японки любятесь ирисами, ландшафт с Фуджи и ландшафт без Фуджи, опять ландшафт и ландшафт, опять Будда сидит в лотосе или на павлине, или опять павлин; самураи с искаженными лицами, аисты в тростнике и просто один тростник, японские собачки, ирисы, пионы, цветущие вишни и сливы отдельно, азалии и камелии, боги с тигром, просто боги и просто тигр. Трактовано однообразно, скучно, непонятно для европейского глаза».

Также непривычны для европейца были иероглифы. Они вызывают у автора полное неприятие и раздражение. «Когда я стал знакомиться с иероглифами, они сразу показались мне величайшим абсурдом, но я боялся сказать это. Ведь тысячи лет люди сидели над ними, всю свою китайскую премудрость вложили в них. Может быть я просто не постигаю глубины премудрости. Но чем больше я изучал эту абракадабру, тем все больше чувствовал в себе решимость отбросить всякое почтение к ней. Бред сумасшедшего». Как ни пытался автор найти логику в написании тех или иных иероглифов, ему это не удалось. Чтобы постичь красоту и мудрость китайской письменности, считает автор, нужно быть китайцем или потратить на это долгие годы жизни.

В 68 главах книги автор излагает впечатления о Гавайских островах, американских гостиницах, американской литературе и американских журналистах в сравнении с европейскими. Путешествуя по странам Восточной Азии, поражается иному мировоззрению и иным, чем у европейцев, нравам в Индокитае, Сиаме, Камбодже, Цейлоне...

В главе «„Всеобщая история” и богомолы» мы находим объяснение и необычному названию книги В. Крымова. Он пишет: «У меня было семь богомол. В течение дня пятерых съели их же товарищи. Ели они друг друга не с голоду, потому что туда же было посажено несколько бабочек, кузнечиков и два черных таракана. Этим беззащитным насекомым богомолы пооткусывали головы и поотгрызли по куску туловища — дальше есть не хотелось. Друг друга ели явно из любви к искусству.

Когда осталось два богомола, самых больших, они в течение двух недель ничего не ели, а сидели в угрожающих позах, в противоположных углах коробки и ждали момента, когда можно схватить другого. Несколько раз схватывались, но неудачно, оба начинали грызть друг друга одновременно. Один грыз горло, а другой в то же время выгрызал этому дырку в боку. В конце второй недели один из богомол обессил от голода больше другого и тогда этот накинулся на него ночью, в темноте, мертвой хваткой и перегрыз его на две половины. Сам он к тому времени был тоже настолько истощен и изранен, что издох через несколько дней, пооткусывавши головы десятку кузнечиков... Паршивое насекомое...

В то время, когда богомолы сидели в коробке, я читал „Всеобщую историю”. И без всякого притягивания за хвост, без какого-либо писательского манерничанья и натяжки, у меня в голове все время параллель между историей человечества и поведением богомолов...»

Немало страниц книги В. Крымова занимают размышления о России, о революционных событиях, о тех последствиях, которые ждут Россию в будущем.

«Пока мы богомолы в коробочке — это ужасно, страшно, жалкое человечество, но это так. И строя новую Россию надо это помнить.

Разве в Западной Европе много людей, которые болеют душой о благоденствии России. Так много пишут, так горячо интересуются сейчас Россией, хотят мира и довольства в ней — это потому, что любят нас? Болеют душой за нас? Разумеется, нет. Хотят получить долги, хотят русского хлеба и сырья, хотят опять концессий, хотят заработать деньги на торговле с нами и беспокоятся, чтобы другой не занял места. Будем называть вещи своими именами — тогда вернее, меньше ошибок. А главное, бояться за себя, за свой пирог, который нельзя спокойно кушать, пока у нас вулкан. И те, у кого всегда был самый вкусный пирог — скажем у Англии — разве пожелают поделиться с нами когда-нибудь

поровну? Да разве мы и имеем право на те богатства культуры, которые накоплены тут их отцами, дедами и прадедами».

Революционные события в России он называл чистой, которая выметет все лишнее, освободив место для нового, более чистого, более высокого по духу, которое даст возможность рождения новой культуры.

«„Культурная Россия” — есть девиз, который должен объединить всех, для кого вообще существуют девизы. Так хотелось бы вместо этого сказать — „культурная Европа”, „все люди — братья”...

Но рядом, там, в углу коробочки, сидит брат-богомол и ждет и, выбравши удобный момент, бросится и перекусит пополам. И чтобы он не бросился, есть пока одно только средство: быть таким же сильным, как он, или сильнее его».

До самой смерти Владимира Крымова в феврале 1968 г. его вилла в Шату, куда он перебрался после прихода к власти нацистов в Германии, была одним из самых своеобразных центров русской эмиграции. Этот дом в предместье Парижа, который принадлежал когда-то знаменитой шпионке Мата Хари, а потом не менее знаменитому актеру Макс Линдеру, встречал аристократов, писателей, философов, издателей, художников. Хозяин его всегда был приветлив, щедро кормил гостей, и часто кто-то из неустроенных эмигрантов жил на его вилле. При этом он никогда никому не давал денег ни на какие разорительные эмигрантские проекты. Это многих раздражало, и о хлебосольном хозяине за глаза отзывались недобро.

В. Крымов послужил прототипом богатого и азартного циника Парамона Ильича Корзухина — героя пьесы М. Булгакова «Бег». Однако Л. Е. Белозерская в своих мемуарах писала: «...Прототип булгаковского Корзухина был совсем не плохой человек, отнюдь не зациквившийся на процессе делания денег и не лишенный литературных способностей... Вероятно, Булгаков чувствовал, что его самого в эмиграции ждала бы скорее судьба не миллионера Крымова, а Голубкова, Хлудова... и к богатым, ассоциировавшимся прежде всего с хамоватыми советскими нэпманами, питал стойкую неприязнь, вылившуюся в карикатурный образ Корзухина».

В наши дни вновь возник интерес к творчеству и личности писателя, журналиста и коммерсанта В. П. Крымова. На просторах Интернета ценители его произведений и жизненной позиции объединились в организационный комитет по подготовке полного интерактивного собрания сочинений В. П. Крымова, создан специальный блог и планируется издание традиционной печатной версии его сочинений в 16 томах. Руководит проектом А. С. Сумароков.